

В комнате молодой человек в синем облачении достал из корзинки пирожное и, протянув его юноше, который полулежал на кушетке, почтительно прошептал:

— Господин наследный принц, мы всё-таки не в Столице, лучше проявлять осторожность во всём.

Юноша лишь рассмеялся в ответ:

— Сейчас как раз проходит сянши, в Цзиньлине полным-полно народу, кто обратит на нас внимание?

Пока он говорил, юноша отщипнул маленький кусочек от пирожного и скормил его ярко оперенной птице, сидевшей у него на плече. Он с нежностью посмотрел на пташку:

— Столько дней в пути, глянь, как твои перышки потускнели. Бедняжка Сяо Лин, натерпелась ты в дороге.

Птица уставилась на него глазами-бусинками и, не мигая, клюнула предложенное угощение.

Шао Юй не придавал этому значения, продолжая сосредоточенно повторять материал перед экзаменом. Он и не подозревал, что недалеко от него, в комнате класса Тянь, половой, который только что радовался неожиданному заработку, теперь, побледнев от ужаса, стоял на коленях и отчаянно оправдывался.

— Господин, я правда ничего не знаю! — половой покосился на клинок, висящий у него перед самым горлом, и был готов вывернуть душу наизнанку, лишь бы доказать свою невиновность.

— Моя бедная Сяо Лин, такая кроха, а мне, старику, пришлось хоронить тебя, — юноша бережно держал в руках безжизненную птицу, его лицо исказила скорбь.

Перья, которые еще утром ярко блестели, теперь казались тусклыми, а глаза-бусинки были навсегда закрыты.

— Говори, кто тебя подговорил! — потребовал мужчина в синем.

Половой был готов разрыдаться и выложил всё как на духу. Услышав признание, юноша перестал притворяться, отложил птицу в сторону и холодно произнес:

— Значит, Сяо Лин пострадала невинно, попав под горячую руку.

Половой не понял, что значит пострадать невинно, но, решив, что пронесло, уже хотел вздохнуть с облегчением. Однако юноша сделал знак, и мужчина в синем тут же схватил слугу за подбородок и с силой впихнул ему в рот черную, источающую зловоние пилюлю.

— То, что ты сейчас проглотил, — Пилюля Разрывающих Кишок. Если не принять противоядие, через три дня ты умрешь в муках, твои внутренности сгниют, — произнес мужчина в синем.

Половой от страха вытаращил глаза и принялся бессвязно молить о пощаде.

— Как я понял, кто-то хотел подставить того сюая, а когда тот не клюнул, пострадала моя Сяо Лин, — юноша помолчал, глядя на дрожащего от ужаса человека, и продолжил: — Что ж, даю тебе три дня. Найди того, кто это подстроил. Не найдешь — отправишься следом за моей Сяо Лин.

Половой зарыдал в голос: он был обычным простолюдином и никогда не видел ничего подобного.

Юноша добавил зловещим тоном:

— И не пытайся хитрить. Ни один лекарь не сможет тебя вылечить, они даже не поймут, что с тобой. Эту отраву могу исцелить только я.

Половой поспешно закивал, лихорадочно пытаясь вспомнить внешность того, кто принес корзинку, боясь хоть что-то забыть. Когда он вышел, мужчина в синем тихо сказал:

— Господин наследный принц, полагаю, это просто случайность.

Лицо юноши оставалось суровым:

— Нужно проявлять бдительность. Наша поездка секретна, мы не можем допустить ни единой ошибки.

— А если половой решит заявить в управу? — мужчина в синем не разделял оптимизма юноши.

Юноша покачал головой:

— Он не посмеет. А даже если заявит, чиновники Цзиньлиня нас не знают. К тому же, не станут же они карать нас за то, что мы накормили его птичьим пометом.

— В Цзиньлине сейчас полно народу, боюсь, за три дня он никого не найдет, — мужчина в синем по-прежнему сомневался.

Юноша был уверен в себе:

— Этот половой хоть и глуп, но в их среде новости разносятся быстро. Думаю, и дня не пройдет, как он найдет того человека.

Так и вышло: не прошло и суток, как половой пришел просить противоядие.

Хотя профессия полового не была престижной, он общался со множеством людей. Искренне веря, что проглотил смертельный яд, он от страха взял отгул на три дня и, применив всю свою смекалку, действительно вычислил того, кто передал корзинку.

Его план был прост: сначала он проверил земляков Шао Юя, а не найдя среди них нужного человека, решил обходить гостиницы одну за другой. К его удивлению, хватило всего двух заведений, чтобы найти заказчика.

Слуга Чжэн Таня знал о планах своего господина, но считал, что действует скрытно. Поскольку Шао Юй был обычным книжником, слуга не стал скрывать лица, когда передавал корзинку, поэтому его так легко опознали.

Молодой наследный принц не стал полагаться только на слова полового и нанял лекаря, чтобы тот проверил пирожные. К его удивлению, внутри был не яд, а лишь большая порция порошка кротона. Человеку он причинил бы лишь расстройство желудка, но для слабой птицы такая доза стала смертельной. Поняв, что это обычный порошок кротона, он окончательно поверил, что злоумышленник целился не в него. А когда половой выяснил, что виновник — такой же сюэцай, наследный принц убедился, что просто оказался втянут в разборки между учеными.

Среди литераторов издавна принято пренебрежительное отношение друг к другу, но обычно всё ограничивается колкими словами. Крайне редко кто-то опускается до столь грязных методов. Сянши проходит раз в три года: если Шао Юй попадет в ловушку, он потеряет еще три года, а там и до сломленной воли недалеко. Зная о последствиях, соперник всё равно пошел на такой подлый шаг — это свидетельствовало о невероятной жестокости.

Наследный принц испытывал отвращение к человеку, способному так легко разрушить чужую судьбу.

— Господин, раз это нас не касается, может, оставим всё как есть? — предложил мужчина в синем.

— Он погубил мою Сяо Лин, как я могу это так оставить?

Мужчина в синем заколебался:

— Неужели из-за птицы мы позволим сюэцаю поплатиться жизнью? Наша миссия секретна, такой переполох может помешать нам незаметно уйти. К тому же мы и так задержались в Цзиньлине.

Юноша покачал головой:

— По-твоему, я настолько кровожаден?

— Тогда как вы хотите поступить? — нахмурился мужчина.

Юноша улыбнулся:

— Разумеется, отплатить той же монетой. Раз он хочет использовать порошок кротона, чтобы испортить чужую карьеру, пусть сам распрощается со своей.

Тем временем Чжэн Тань был самодоволен. Он считал свой план безупречным: его слуга не общался с Шао Юем напрямую, так что даже если тот что-то заподозрит, доказать причастность Чжэн Таня будет невозможно.

Исходя из того, что он знал о Шао Юе, тот был парнем из бедной семьи, но с огромными амбициями и страстью к хорошей еде, при этом всегда стесненным в средствах. Отказаться от бесплатного угощения он был не в силах — именно поэтому предыдущие попытки отравить его всегда заканчивались успехом.

Если раньше Чжэн Тань травил Шао Юя лишь из зависти, то на этот раз им двигала ненависть за то, что тот якобы портил его репутацию. Доза была такой, чтобы Шао Юй промучился в уборной три дня и пропустил экзамен. Чжэн Тань уже представлял, как соперник корчится от боли, и ликовал.

Он не знал, что на этот раз жертвой стал он сам.

Наступила ночь. Многие сюцаи уже поднялись и готовились идти к экзаменационному двору. Чжэн Тань сладко спал, видя во сне, как он блестяще сдает экзамен, а Шао Юй проваливается, и он, проезжая мимо на коне, видит, как тот униженно молит его о пощаде. Если бы не слуга, он бы не хотел просыпаться.

— Господин, ваш суп Чжуанъюань, — половой с массивной фигурой, опустив голову, внес поднос в комнату.

Чжэн Тань не обратил внимания на его позу, решив, что слуга просто проявляет почтение к сюцаю. Половой дождался, пока он сделает пару глотков, и вышел из комнаты. На выходе он не обратил внимания на шум внизу и, не отвечая на окрики трактирщика, быстро вышел через задний ход. Этим человеком был никто иной, как слуга наследного принца.

Шао Юя уже давно поднял с постели Шао Далан. Когда они открыли дверь, чтобы выйти с корзинами, прямо напротив открылась дверь комнаты класса Тянь, и оттуда вышли те самые двое. Юноша был красив, в руках он держал корзину. Увидев Шао Юя, он улыбнулся:

— Желаю вам успеха на экзамене.

Шао Юй не знал его, но, увидев корзину, принял за такого же кандидата и вежливо ответил:

— Благодарю за добрые слова. И вам желаю удачи.

Юноша не стал ничего объяснять, кивнул и, пользуясь темнотой, поспешил к городским

воротам. Обычно в это время действовал комендантский час, но сегодня ворота открыли заранее, чтобы кандидаты из пригородов не опоздали. Господин и слуга сказали, что забыли что-то за городом, и без труда вышли.

Шао Юй не стал ломать голову над этим эпизодом. Братья наскоро перекусили и отправились к экзаменационному двору. Хотя была глубокая ночь, улица перед двором была ярко освещена. Тысячи сюцаев стекались сюда со всей округи, мечтая получить заветное звание цзюйжэня.

Шао Далан, держа в руках охапку маленьких табуретов, встал в середине очереди и принялся зазывать:

— Покупайте табуреты! Всего одна цянй серебра! Не упустите шанс! Всего одна цянй — и вы сэкономите силы для экзамена! Табурет Чжуаньюань — лучший помощник на сянши!

Хотя Шао Далан не до конца понимал смысл этих слов, он верил брату. Он решил продавать с середины очереди, так как в гостинице оставался запас, и после того, как распродаст здесь, он сможет донести остальное тем, кто стоит в конце.

Народу было много, проверка еще не началась, и ждать предстояло долго. Те, у кого был опыт, заранее позаботились о табуретах, а новички стояли и изнывали от усталости. Увидев товар, состоятельные кандидаты покупали их, не торгуясь. Но были и те, кто считал цену в одну цянй слишком высокой за вещь, которая обычно стоила несколько медяков, и терпели.

Нашлись и бедняки, которые после долгого ожидания не выдержали и попытались сбить цену. Шао Далан боялся, что если уступит одному, то остальные потребуют возврата разницы, поэтому стоял на своем.

Одним из таких книжников был Сунь Чао, приятель Чжэн Таня. Увидев, что Шао Далан непреклонен, он холодно произнес:

— Говорят, торговцы жадны, сегодня я в этом убедился. Вещь за пару медяков продавать так дорого — это просто бесчеловечно.

Шао Далан не умел спорить, а из-за того, что перед ним был ученый, не хотел вступать в конфликт, но и цену снижать не желал, поэтому промолчал. Сунь Чао, видя это, распалился еще сильнее, надеясь задавить продавца авторитетом и купить табурет дешевле:

— Бессовестный торгаш, притесняешь бедных студентов! Десять лет я грыз гранит науки, не ожидал встретить такого человека. Сердце у тебя черное, не боишься, что это накличет беду на твоих родителей и близких... — он не умолкал, считая, что раз он беден, то правда на его стороне.

Шао Далан не выдержал. Ругать его самого было можно, но вплетать в это семью — уже перебор.

— Эй, книжник, что за слова такие? Не хочешь покупать — не надо, зачем же обзывать? —

даже рассердившись, он не умел ругаться.

Сунь Чао лишь пуще вошел в раж:

— Когда ты ведешь такие дела, не боишься небесной кары? Не боишься, что пострадает твоя семья? Черносердечный торгаш, это же кровные деньги, которые мои родители копили с таким трудом, а ты их выжимаешь!

Чжэн Тань, который до этого сидел на табурете, встал и с видом благодетеля вмешался:

— Послушай, торговец, неужели совесть не грызет тебя за такие деньги? Давай так: обычная цена табурета — несколько медяков, мы дадим тридцать медяков за два. Это даст тебе прибыль, и совесть будет чиста.

Чжэн Тань знал, что табурет нужен, но его друзья, которые участвовали в экзамене впервые, не подготовились. Чтобы не прослыть скрягой, он решил помочь им сбить цену.

— Не пойдет. Цена установлена, никто не будет снижать! — отрезал Шао Далан и добавил простодушно: — Делайте бизнес, а не ругайтесь, вы же ученые люди.

Чжэн Тань побледнел. Он сжимал ягодицы, сдерживая позывы, и продолжал уговаривать:

— Торговец, будь гибче. Себестоимость твоего табурета вряд ли выше десяти медяков, как можно продавать его за цян? Тридцать медяков за два — это честная прибыль.

Несмотря на его вежливый тон, Шао Далан был неумолим:

— Нет, мой брат сказал, что цена не обсуждается!

Сунь Чао, видя упрямство торговца, в ярости выкрикнул:

— Черносердечный, чтоб у тебя детей не было!

Это была самая больная точка Шао Далана. Его глаза налились кровью, он схватил Сунь Чао за воротник и прорычал:

— Ты кого проклинаешь?!

Шао Юй, который до этого беседовал с другими людьми, услышав шум, поспешил к ним. Он узнал Сунь Чао как приятеля Чжэн Таня, а рядом увидел бледного как полотно Чжэн Таня. Он не понимал, почему тот за два дня превратился в развалину.

Шао Юй разнял их и, поняв в чем дело, сказал:

— Торговля — дело добровольное. Не хочешь — не покупай, но нет причин заставлять продавца снижать цену, а тем более проклинать его семью. Такая мстительность... если ты провалишься

на экзамене, тоже будешь проклинать экзаменаторов за то, что они слепы?

Обвинение было слишком серьезным, Сунь Чао испугался:

— Что ты мелешь? Я этого не имел в виду!

Шао Далан много работал под солнцем, а Шао Юй проводил время за книгами, поэтому внешне они были не очень похожи, и никто не подозревал, что они братья. Чжэн Тань тоже не знал об их родстве и решил, что Шао Юй просто решил вмешаться.

— Шао Юй, это тебя не касается, не лезь не в свое дело, — холодно произнес Чжэн Тань. В душе он был в шоке: по его плану Шао Юй должен был съесть пирожное с порошком кротона и сейчас мучиться, а не выглядеть таким бодрым. При этом сам Чжэн Тань чувствовал, что это он съел порошок — после пробуждения он уже трижды бегал в уборную и сейчас был на пределе.

Шао Юй не хотел раскрывать их родство, не потому что стеснялся брата, а чтобы не мешать торговле и не портить себе репутацию.

— Разве нельзя вступить за справедливость? Мы, книжники, должны вести себя достойно. Торговец продает дорого, но он никого не заставляет покупать. Ваше поведение позорит звание ученого.

Чжэн Тань смягчил тон:

— Брат Шао, нельзя так говорить. Торговля — дело добровольное, но нельзя же задира́ть цены до небес. К тому же, торговаться — это нормально. Торговец молчит, чего ты так переживаешь? — он помолчал и добавил: — Я знаю, между нами есть недопонимание, но при чем тут эти двое? Зачем срывать на них злость?

Окружающие книжники, многие из которых тоже не могли позволить себе табурет, начали сочувствовать Чжэн Таню. Шао Юй остался невозмутим:

— Торговец не выглядит так, будто хочет продолжать спор. Это вы не даете ему прохода, оскорбляете его и проклинаете его семью. Это недостойно благородного мужа.

Чжэн Тань повысил голос:

— Если говорить о благородстве, то благородный муж держит слово. Я даже не стал упоминать о том, что твоя семья разорвала помолвку, а ты ведешь себя столь агрессивно.

Студенты, которым было скучно ждать, наострили уши, начали шептаться и некоторые даже встали на сторону Чжэн Таня. Тот, благодаря своей «борьбе с жадностью», завоевал симпатии многих.

Шао Юй усмехнулся:

— Мне не нужна была шестидесятилетняя жена, разве я не прав? К тому же, дело не дошло даже до формального соглашения, так в чем же мое вероломство?

Услышав это, многие перевели взгляды на Чжэн Таня. Тот тяжело вздохнул, делая вид, что выше этого:

— Брат Шао, нехорошо так говорить. Мы ведь договорились, если бы ты не плакался мне о своей бедности, я бы не...

Чжэн Тань долго думал, что ответить на упоминание помолвки, и сегодняшний день был идеальным шансом. Но в этот момент из его живота раздалось неконтролируемое «пук». Звук был громким, его услышали все вокруг. Друзья невольно отступили на пару шагов.

Шао Юй нахмурился, прикрыв нос рукой, всем своим видом показывая, как это недостойно книжника. Чжэн Тань не мог вымолвить ни слова, лицо его залилось краской — он чувствовал себя так, будто его выставили на всеобщее обозрение под палящим солнцем.

— Я... — только начал он, как живот снова скрутило, раздалась целая очередь звуков, и он почувствовал, как что-то горячее хлынуло наружу.

Запах стал еще сильнее, все уставились на него, и Чжэн Тань был готов провалиться сквозь землю.

Шао Юй был в недоумении: он не знал, кому так насолил Чжэн Тань, что тот оказался в такой нелепой ситуации. Впрочем, особой жалости он не испытывал — Чжэн Тань был таким же негодяем, как и оригинал.

— Брат Чжэн, если тебе нездоровится, зачем же себя мучить? — посоветовал Шао Юй. Он вспомнил, что раньше перед экзаменами именно оригинал постоянно страдал от всяких недугов, а теперь всё изменилось. Видимо, карма существует.

<http://bllate.org/book/25708/3072679>